

Н. Лосский

Новые идеи в философии

Сборник 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Лосский**
Новые идеи в философии: Сборник 1 / Н. Лосский – М.: Книга по Требованию,
2024. – 192 с.

ISBN 978-5-458-54489-4

ISBN 978-5-458-54489-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ

Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
профессора Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

СБОРНИКЪ № 1.

Философія и ея проблемы.

Изд-ство „Образованіе“ СПб.
1912

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслужен. проф. И. И. Боргмана.

Изданіе сборниковъ «Новыя идеи въ физикѢ» имѣетъ цѣлью ознакомленіе русскихъ читателей съ различными, существующими въ настоящее время, воззрѣніями по наиболее важнымъ вопросамъ физики. Каждый отдѣльный сборникъ будетъ посвященъ выясненію одного или двухъ основныхъ вопросовъ и будетъ заключать въ себѣ статьи, наиболее доступныя для лицъ, не обладающихъ большими знаніями по математикѣ, въ которыхъ авторы разсматриваютъ эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Содержаніе сборниковъ:

Сборникъ № 1. Стрѣненіе вещества. — Ж. Перренъ. Броуновское движеніе и молекулы. — Э. Рѣтерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ. — И. Боргманъ. Возникновеніе электронной теоріи вещества. — Л. Кельвинъ. Эпипусъ атомизированный. — Л. Кельвинъ. 3 мелкихъ статьи относящіяся къ модели радиоактивныхъ атомовъ. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Распрежденіе корпуселъ въ атомѣ. Второе изданіе. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Эфиръ и матерія. — П. Ленардъ. Эфиръ и матерія. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эфиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества. — М. Я. Якобсонъ. Опредѣленіе отношенія массы къ пѣсу въ случаѣ радиоактивнаго вещества (извлеч. изъ статьи Л. Саутсвенса). — Н. Кэмблль. Эфиръ. — М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механическому міровоззрѣнію. Ц. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книги признаны подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при посыланіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сборникъ № 3. Принципъ относительности. — В. Бурсіанъ. Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эфиръ. — І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѣ. — А. Эйнштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѣ. — Дж. Льюисъ и Рич. Толманъ. Принципъ относительности и не-ньютоновская механика. Ф. Франкъ. Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явленій въ четырехмерномъ пространствѣ. Ц. 80 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

Сборникъ № 4. Давленіе свѣта. — † П. И. Лебедевъ. О давленіи свѣта. — П. П. Лазаревъ. Фотохимія. — Б. С. Швецовъ. Флюоресценція и фосфоресценція.

Сборникъ № 5. Природа свѣта. (Предполагаемое содержаніе). — П. С. Эрнфестъ. Групповая скорость свѣта. — Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта. — А. Эйнштейнъ. О развитіи нашихъ воззрѣній на сущность и страніе лучепослуканія.

А. Бергсонъ.

Философская интуиція ¹⁾.

Я намѣренъ, милостивые государи, предложить на ваше обсужденіе нѣсколько мыслей касательно философскаго духа. Мнѣ кажется—и свидѣтельствомъ этого является не одинъ докладъ, представленный на настоящемъ конгрессѣ—что метафизика въ данный моментъ старается стать проще, подойти ближе къ жизни. Я думаю, что, поступая такъ, она права, и что въ этомъ именно направленіи должны мы работать. Но я полагаю также, что, дѣйствуя такимъ образомъ, мы не совершимъ ничего революціоннаго. Мы придадимъ лишь наиболѣе свойственную форму тому, что является сущностью всякой философіи—я имѣю въ виду всякую философію, которая вполне сознаетъ свое назначеніе и свою функцію. Изъ за сложности буквы и словеснаго выраженія не слѣдуетъ терять изъ вида простоты духа. Если считаться лишь съ ученіями такъ, какъ они формулированы въ синтезахъ, какъ будто бы охватывающихъ результаты всѣхъ предшествующихъ философій и совокупность наличныхъ знаній, то рискуютъ не замѣтить то по существу самочинное, что имѣется въ философской мысли.

¹⁾ Рѣчь на философскомъ конгрессѣ въ Болонѣ, произнесенная 10 апрѣля 1911 г.

Вѣроятно, всѣ тѣ изъ насъ, которые преподають исторію философіи, всѣ тѣ, кому часто доводилось возвращаться къ изученію тѣхъ же самыхъ системъ и такимъ образомъ все болѣе и болѣе углубляться въ нихъ, могли сдѣлать слѣдующее наблюденіе. На первыхъ порахъ философская система встаетъ передъ нами, какъ законченное зданіе, съ очень искусной архитектурой, и устроенное такъ, чтобы въ немъ удобно могли умѣститься всѣ проблемы. Созерцая ее въ этомъ видѣ, мы испытываемъ эстетическое удовольствіе, усиливаемое профессиональнымъ удовлетвореніемъ. Дѣйствительно, мы не только находимъ здѣсь порядокъ въ сложномъ (порядокъ, который мы любимъ иногда при описаніи дополнять), но мы рады также возможности сказать себѣ, что мы знаемъ, откуда получены матеріалы и какъ произведена постройка. Въ поставленныхъ философомъ проблемахъ мы распознаемъ вопросы, которые волновали его современниковъ. Въ даваемыхъ имъ рѣшеніяхъ мы—кажется намъ—находимъ размѣщенными въ порядокъ или въ безпорядкѣ, но едва измѣненными, элементы предшествующихъ или современныхъ ему философскихъ концепцій. Такую то идею онъ замечивалъ у этого автора, такая то другая была подсказана ему вотъ тѣмъ мыслителемъ. Зная то, что философъ прочелъ, услышалъ, узналъ, мы могли бы безъ сомнѣнія наново создать большую часть того, что онъ сдѣлалъ. И вотъ мы садимся за работу, добираемся до источниковъ, взвѣшиваемъ вліянія, извлекаемъ сходства, и подъ конецъ начинаемъ ясно различать въ системѣ то, что мы въ ней искали: болѣе или менѣе оригинальный синтезъ тѣхъ идей, въ обстановкѣ которыхъ жилъ философъ.

Но, если намъ приходится имѣть часто дѣло съ идеями великаго мыслителя, то мало по малу, процессомъ какой то незамѣтной инфильтраціи, мы проника-

емя совершенно инымъ чувствомъ. Я не говорю, что нашъ первоначальный трудъ сравниванія былъ потерянной работой: безъ такого предварительнаго усилия, безъ такой попытки возсоздать философскую систему изъ того, что не есть она, и связать ее съ тѣмъ, что было вокругъ нея, мы бы, можетъ быть, никогда не узнали, что по истинѣ есть она. Такъ ужъ устроены человѣческiй духъ: онъ начинаетъ понимать новое лишь тогда, когда онъ все испыовалъ, чтобы свести его къ старому. Но, по мѣрѣ того, какъ мы все болѣе пытаемся войти внутрь мысли философа, вмѣсто того, чтобы ходить вокругъ нея, мы замѣчаемъ, какъ его учение преобразуется. Во первыхъ уменьшается сложность системы. Затѣмъ части начинаютъ входить другъ въ друга. Наконецъ, все стягивается въ одну единственную точку, къ которой—какъ мы чувствуемъ—можно безпредѣльно приблизиться, хотя безъ надежды когда нибудь достигнуть ея.

Въ этой точкѣ находится нѣчто простое, бесконечно простое, столь необыкновенно простое, что философу никогда не удалось высказать его. И вотъ почему онъ говорилъ всю свою жизнь. Онъ не могъ формулировать того, что онъ имѣлъ въ умѣ, такъ, чтобы не испытать потомъ повелительной потребности поправить свою формулу, а потомъ поправить поправку. И такимъ образомъ, переходя отъ теорiи къ теорiи, поправляя себя—въ то время, какъ онъ думалъ, что дополняетъ себя—онъ, путемъ усложненiй, нагроможденныхъ на усложненiя, и аргументовъ, слѣдовавшихъ за аргументами, пытался лишь передать со все болѣшимъ приближенiемъ простоту своей оригинальной интуици. Вся необыкновенная сложность его системы—сложность, которая могла бы простирается до бесконечности—выражаетъ лишь несоизмѣримость между его простой интуицией и средствами, которыми онъ располагалъ для выраженiя ея.

Какова эта интуиція? Но вѣдь если самъ философъ не могъ найти для нея формулы, то не намъ рѣшить эту задачу. Чтѣ мы можемъ уловить и закрѣпить, такъ это нѣкоторый образъ, промежуточный между простой конкретною интуиціею и сложностью выражающихъ ее абстракцій, неуловимый и каждый разъ вновь исчезающій,—образъ, который, незамѣченный, можетъ быть, держитъ въ своей власти духъ философа, слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, по всѣмъ извилинамъ его мысли и который, если и не есть сама интуиція, то приближается къ ней несравненно больше, чѣмъ то абстрактное, и по неволѣ символическое, выраженіе, къ какому должна прибѣгнуть интуиція, чтобы доставить „объясненія“. Разсмотримъ хорошенько эту тѣнь: мы угадаемъ тогда занятое отбрасывающимъ ее тѣломъ положеніе. А если мы дѣлаемъ усиліе, чтобы воспроизвести это положеніе или, даже лучше, чтобы внѣдриться въ него, то мы увидимъ, въ мѣру возможнаго, то, чтѣ увидѣлъ философъ.

Что характеризуетъ прежде всего этотъ образъ, такъ это заключенная въ немъ сила отрицанія. Вы помните, какъ поступалъ демонъ Сократа: въ извѣстный моментъ онъ останавливалъ волю философа и скорѣе препятствовалъ ему дѣйствовать, чѣмъ предписывалъ то, чтѣ онъ долженъ былъ дѣлать. Мнѣ кажется, что интуиція играетъ въ сферѣ умозрѣнія такую же роль, какую игралъ демонъ Сократа въ практической жизни. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ она впервые обнаруживается, и въ такомъ же видѣ она и въ дальнѣйшемъ ярче всего сказывается: она запрещаетъ. Наперекоръ общепринятымъ идеямъ и какъ будто самоочевиднымъ тезисамъ, наперекоръ утвержденіямъ, признававшимся до того научными, она шепчетъ философу на ухо: Невозможно! Невозможно, хотя бы даже факты и всякаго рода логическія соображенія побуждали, повидимому, тебя думать, что это возможно,

дѣйствительно, достовѣрно. Невозможно, потому что какой то опытъ, можетъ быть, смутный, но имѣющій рѣшающее значеніе, говоритъ тебѣ моими устами, что онъ несовмѣстимъ съ приводимыми фактами и развиваемыми соображеніями и что, значитъ, эти факты были плохо наблюдаемы, а разсужденія—ложны. Что за странное явленіе эта инстинктивная сила отрицанія! И какъ она не обратила на себя вниманія историковъ философіи? Развѣ не очевидно, что первое, чтò дѣлаетъ философъ, когда мысль его еще не увѣрена и когда еще нѣтъ ничего окончательнаго въ его ученіи—это то, что онъ окончательно отвергаетъ нѣкоторыя вещи? Впослѣдствіи, взгляды его смогутъ измѣниться въ томъ, чтò онъ будетъ утверждать; но они не будутъ измѣняться въ томъ, чтò онъ отрицаетъ. И если они и измѣняются въ томъ, чтò онъ утверждаетъ, то опять таки благодаря присущей интуиціи или ея образу—силѣ отрицанія. Философъ, можетъ быть, поддался соблазну лѣни и сталъ выводить слѣдствія по правиламъ прямолинейной логики; и вдругъ онъ испытываетъ передъ своимъ собственнымъ утвержденіемъ то же самое ощущеніе невозможности, какое онъ раньше испыталъ передъ чужимъ утвержденіемъ. Покинувъ, дѣйствительно, кривую своей мысли и начавъ двигаться прямолинейно, по касательной къ ней, онъ сталъ постороннимъ и чуждымъ самому себѣ. Возвращаясь же къ интуиціи, онъ становится самимъ собой. Изъ такихъ разставаній съ собой и возвращеній къ себѣ и состоятъ зигзаги системы, которая „развивается“, т. е. которая теряетъ себя, находитъ себя сызнова и безъ конца поправляетъ сама себя.

Попробуемъ освободиться отъ этихъ усложненій, попробуемъ добраться до простой въ своей основѣ интуиціи или, по крайней мѣрѣ, до выражающаго ее образа. Лишь только мы сдѣлаемъ это, какъ мы замѣ-

чаемъ, что система становится свободной отъ условій времени и мѣста, отъ которыхъ она, повидимому, зависѣла. Разумѣется, тѣ проблемы, которыми занимался философъ, были проблемами, которыя ставились въ его время; данныя науки, которыми онъ воспользовался или которыя онъ критиковалъ, были данными науки его времени; въ излагаемыхъ имъ теоріяхъ можно даже при желаніи найти идеи его современниковъ и его предшественниковъ. Но могло ли бы это быть иначе? Чтобы дать пониманіе новаго, приходится выразить его въ функціи стараго; и для каждого великаго мыслителя поставлены уже проблемы, и данныя для нихъ рѣшенія, равно какъ современныя ему философія и наука, являются тѣмъ матеріаломъ, которымъ онъ долженъ былъ пользоваться, чтобы придать конкретную форму своей мысли. Я ужъ не говорю о той традиціи, въ силу которой, начиная съ древности, всякая философія должна предстать, какъ полная система, охватывающая все то, что знаютъ. Но было бы большимъ заблужденіемъ принимать за творческій элементъ системы то, что служить лишь средствомъ выраженія ея. Такова та первая ошибка, въ которую, какъ я выше сказалъ, мы рискуемъ впасть, приступая къ изученію какой нибудь системы. Намъ поражаетъ при этой работѣ изслѣдованія такая масса частичныхъ сходствъ, мы замѣчаемъ такое множество явныхъ аналогій и сближеній, наше научное остроуміе и эрудиція подвергаются такимъ соблазнамъ со всѣхъ сторонъ, что мы испытываемъ искушеніе возсоздать мысль великаго философа изъ взятыхъ тамъ и сямъ обрывковъ идей, приберегая для него подъ конецъ похвалу за то, что онъ сумѣлъ—подобно тому, какъ сумѣли и мы—сдѣлать недурную мозаическую работу. Но иллюзія длится не долго: вскорѣ мы замѣчаемъ, что даже тамъ, гдѣ философъ, казалось, повторялъ уже сказанныя до него

вещи, онъ ихъ понималъ на свой манеръ. Тогда мы отказываемся отъ работы реконструкціи его доктрины. Но чаще всего мы дѣлаемъ это лишь для того, чтобы стать жертвами новой иллюзіи, менѣе опасной, безъ сомнѣнія, чѣмъ первая, но болѣе упорной, чѣмъ она. Мы охотно воображаемъ себѣ, что разбираемая нами система—даже если она дѣло рукъ великаго мыслителя—вышла изъ предшествующихъ ученій и что она представляетъ „извѣстный моментъ нѣкоторой эволюціи“. Разумѣется, думая такъ, мы не совсѣмъ неправы, ибо философская система похожа скорѣе на организмъ, чѣмъ на механизмъ, и гораздо лучше разсуждать здѣсь объ эволюціи, чѣмъ о механическомъ сложеніи. Но, не говоря уже о томъ, что это новое сравненіе приписываетъ исторіи мысли больше непрерывности, чѣмъ ея имѣется въ ней въ дѣйствительности, оно неудобно еще и въ томъ отношеніи, что сосредоточиваетъ наше вниманіе на виѣшнихъ усложненіяхъ системы и на томъ, что можетъ въ ней оказаться доступнымъ предвидѣнію, а не побуждаетъ насъ заинтересоваться новизной и простотой доктрины въ ея сущности. Философъ, достойный этого имени, за всю свою жизнь сказалъ только одну вещь; да и то онъ скорѣе пытался сказать эту вещь, чѣмъ дѣйствительно ее выразить. И сказать онъ только одну вещь потому лишь, что узрѣлъ только одну точку; да и узрѣніе это было скорѣе ощущеніемъ прикосновенія. Это прикосновеніе вызвало импульсъ, этотъ импульсъ породилъ движеніе, и если это движеніе, являющееся какъ бы вихремъ опредѣленной частной формы, становится видимымъ нашему взору лишь благодаря той пыли, которую вихрь этотъ собралъ на своемъ пути, то не менѣе вѣрно и то, что могла быть поднята совсѣмъ иного рода пыль и что все-таки это былъ бы тотъ же самый вихрь. Такимъ образомъ мысль, приносящая нѣчто новое въ міръ, вынуждена, ра-

зумѣется, въ своихъ проявленіяхъ пользоваться готовыми идеями, которыя она встрѣчаетъ передъ собой и которыя она увлекаетъ въ своемъ движеніи; она поэтому кажется какъ бы тѣсно связанной съ современной философю эпохой; но это только видимость. Философъ могъ явиться нѣсколькими вѣками раньше; онъ имѣлъ бы дѣло съ другой философіей и иной наукой; онъ бы поставилъ себѣ другія проблемы; онъ бы выразилъ свои мысли въ иныхъ формулахъ; можетъ быть ни одна написанная имъ строка не была бы тогда такой, какова она теперь; и все таки онъ сказалъ бы ту же самую вещь.

Позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ. Я аппелировалъ раньше къ вашимъ профессиональнымъ воспоминаніямъ. Теперь, если вы позволите, я попытаюсь вызвать кое-какія изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Какъ профессоръ въ Collège de France я каждый годъ посвящаю одинъ изъ двухъ читаемыхъ мною курсовъ исторіи философій. Благодаря этому я и могъ въ теченіе ряда послѣдовательныхъ лѣтъ произвести весьма обстоятельно описанный мной выше опытъ надъ Беркли, затѣмъ надъ Спинозой. Спинозу я оставляю въ сторонѣ, ибо иначе намъ пришлось бы забратъся слишкомъ далеко. И однако я не знаю ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ контрастъ между формой и сущностью такой книги, какъ Этика: съ одной стороны всѣ тѣ колоссальныя вещи, которыя называются Сущанціей, Атрибутомъ и Модусомъ, и гигантскій аппаратъ изъ теоремъ съ промоздкимъ сплетеніемъ изъ дефиницій, королларіевъ и схолій, и вся эта подавляющая сложность систематической конструкціи, благодаря которой новичекъ испытываетъ на порогѣ Этики смѣшанное чувство восхищенія и страха, какъ передъ броненосцемъ типа Дреднотовъ;—а, съ другой, нѣчто крайне тонкое, легкое, почти воздушное, ускользающее, по мѣрѣ того какъ приближаешься къ нему, но въ то же время такое, что